

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 2. С. 689–728.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 2 (2024): 689–728.

Научная статья

УДК: 94(47).084.9

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-2-8>

EDN: VACGQO

«Жалобы трудящихся» позднесоветской Латвии: «моральная экономика» или «гражданское общество»?

Александр Александрович Фокин

Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России
(Сеченовский Университет);

Московская высшая школа социальных и экономических наук,
Москва, Россия,

aafokin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6637-9314>

Aleksandr A. Fokin

I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry
of Healthcare of the Russian Federation (Sechenov University);

Moscow Higher School of Social and Economic Sciences,
Moscow, Russia,

aafokin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6637-9314>

Аннотация. Традиционный взгляд ученых на отечественную историю опирается на столичную точку зрения, даже если объектом исследования оказывается один из регионов страны. Так происходит, потому что основные решения принимаются в столице, и, следовательно, государственные институты не только производят, но и хранят основную массу документов. Но если обращаться к региональным материалам, можно увидеть, что советская гомогенность сменяется на гетерогенность. Исходя из этого, можно поставить вопрос о том, насколько в исследовании советского опыта должен учитываться пространственный и географический факторы?

Важным аспектом советской системы было формирование нового субъекта, который должен был быть активен не только в трудовой деятельности, но и в общественной жизни, участвуя в поддержании нормативного порядка. Одной из форм борьбы за норму и мораль являлись письма во власть. Советская система предполагала возможность критиковать отдельные недостатки на местах, если не ставился под сомнение сам порядок. Но в позднесоветский период моральные нормы начинают активно распространяться на все советское население, а не только на партийную номенклатуру. В значительной степени это было связано с идеей расширенного управления государством в период перехода от социализма к коммунизму и вовлечением широких масс в этот процесс. В позднесоветский период произошла замена массового организованного насилия на различные формы более либерального управления и

© Фокин А.А., 2024

© Fokin A., 2024

воздействия, а также трансформация системы общественного контроля. Такой подход в значительной степени совпадает с концепцией “the moral economy”, которую сформулировал Эдвард Палмер Томпсон. Значительное количество обращений и жалоб граждан, даже если мы выносим за скобки массовые протесты (которые не были редкостью в СССР), можно рассматривать именно как проявление «моральной экономики». Следовательно, граждане стремились не сломать существующие правила игры, а наоборот привести окружающую их реальность к тем представлениям о морали и справедливости, которые были распространены в различных группах советского общества.

Ключевые слова: моральная экономика, Латвийская ССР, жалобы, советское общество

Для цитирования: Фокин А.А. «Жалобы трудящихся» позднесоветской Латвии: «моральная экономика» или «гражданское общество»? // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 2. С. 689–728, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-2-8>; EDN: VACGQO

“Workers’ Complaints” in Late Soviet Latvia: “Moral Economy” or “Civil Society”?

Abstract. The traditional researcher’s view of Russian history is based on the metropolitan point of view even if the object of study is one of the country’s regions. This is the case because all the main decisions are made in the capital, and therefore it is the state institutions that not only produce but also store the bulk of the documents. But if we turn to regional materials, we can see that the Soviet homogeneity was in fact replaced by heterogeneity. On this basis, the question can be raised to what extent the spatial and geographical factors should be taken into account in the study of the Soviet experience.

The formation of a new Soviet subject was an important aspect of the Soviet system. In addition to labor activity, this new Soviet man had to be an active subject in social life as well, contributing to the maintenance of normative order. Letters to the authorities were a form of such struggle for norm and morality. The Soviet system presupposed the possibility of criticizing individual shortcomings in the field as long as the order itself was not questioned. But in the late-Soviet period, moral norms began to be actively extended to the entire Soviet population, not just the high-ranking party officials. This was largely due to the ideas of expanded state management during the transition from socialism to communism and the involvement of the broad masses in this process. The late-Soviet period was marked by the replacement of organized mass violence by various forms of soft control and by building a system of social control. This approach largely coincides with the concept of the moral economy, which was formulated by Edward Palmer Thompson. Even if we do not consider the mass protests that were not uncommon in the USSR, a significant number of appeals and complaints from citizens can be seen as a manifestation of the moral economy. That is, citizens did not seek to break the existing rules of the game but, on the contrary, tried to bring the reality around them to the ideas of morality and justice that were common in various groups of Soviet society.

Keywords: moral economy, Latvian SSR, complaints, Soviet society

For citation: Fokin, A.A. “Workers’ Complaints” in Late Soviet Latvia: ‘Moral Economy’ or ‘Civil Society’? // *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 2 (2024): 689–728, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-2-8>; EDN: VACGQO

Введение

Хронотоп – концепция, которая описывает тесную взаимосвязь пространственно-временных отношений, – прочно вошел в литературоведческую теорию благодаря работам Михаила Бахтина¹. Далее Аарон Гуревич адаптировал эту идею для исторических исследований. Он подчеркивал, что любой феномен культуры разворачивается во времени и пространстве:

Мы подчас не сознаем, что пространство и время не только существуют объективно, но и субъективно переживаются и осознаются людьми, причем в разных цивилизациях и обществах, на различных стадиях общественного развития, в разных слоях одного и того же общества и даже отдельными индивидами эти категории воспринимаются и применяются неодинаково².

Несмотря на то, что в исторических исследованиях существует целый ряд направлений, уделяющих большое внимание пространственному фактору, прежде всего отметим школу «Анналов»³ и мир-системный анализ⁴, применительно к изучению советской истории на передний план выходит временной фактор, а пространственный остается в тени. Исследователи предлагают различные варианты хронологического деления советского прошлого, самым популярным из которых остается деление по руководителям, хотя активно используются и другие маркеры: НЭП, коллективизация, оттепель, застой, перестройка. При этом принимается во внимание, что разные части СССР обладали определенной спецификой, т.е. условия прибалтийских республик отличались от условий республик Средней Азии, но в целом советский опыт был географически гомогенным. В значительной степени это связано с тем, что историческая модель столичноцентричности отражается и в логике исторических исследований. Традиционный взгляд исследователя на отечественную историю исходит из столичной точки зрения, даже если объектом исследования оказывается один из регионов страны. Так происходит, потому что основные решения принимаются в столице, и, следовательно, именно государственные институты не только производят, но и хранят основную массу документов. Получается, что взгляд Москвы или Санкт-Петербурга/Ленинграда является доминирующим в рамках исторических

¹ Бахтин М.М. Эпос и роман. Санкт-Петербург: Азбука, 2000.

² Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. Москва: Искусство, 1984.

³ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1: Роль среды / перевод с французского М.А. Юсима. Москва: Языки славянской культуры, 2002.

⁴ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / перевод с английского Н. Тюкиной. Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2006.

исследований. В качестве примера можно привести книгу Алексея Юрчака⁵, являющуюся центральным текстом для обсуждения позднесоветского общества. Она написана на основе интервью с жителями Москвы и Ленинграда и отражает представления отдельных групп советского общества позднего СССР. Допустимо ли рассматривать идеи «пространства вневходимости» и «воображаемого Запада» как универсальные для всех групп советского общества на всей территории Советского Союза?

Исходя из этого, поставим вопрос о том, насколько в исследовании советского опыта должны учитываться пространственный и географический факторы? В политической и экономической истории СССР важной характеристикой советской системы изначально оказывалась его гетерогенность. Различия регионов в национальном составе или в уровне экономического развития показывали проблемы, с которыми сталкивалось советское руководство. Но если мы принимаем географическую гетерогенность советской системы, можно ли говорить о разной темпоральности советского в зависимости от территории? Например, применительно к периоду «длинных семидесятых» в публицистике и академических исследованиях закрепился термин «застой», который предполагает экономическую стагнацию и нарастание кризисных явлений в различных сферах советского общества. Но если мы посмотрим, например, на территорию Западной Сибири в те годы, то увидим активное освоение нефтяных и газовых месторождений, развитие инфраструктуры и социальные преобразования. Таким образом, локально «застой» оборачивается своей противоположностью. И такие варианты можно найти в разных частях СССР. Исходя из этого, можно утверждать, что в зависимости от географического фактора социальное время в разных республиках текло неодинаково. При этом применительно к советскому периоду не всегда работает простая схема, согласно которой, чем дальше от столицы, тем медленнее течет время. Например, в 1930-е годы шло активное строительство крупных предприятий, которые являлись флагманами индустриализации. Основная их масса создавалась на Урале: Магнитогорский металлургический комбинат, Челябинский тракторный завод, Уральский завод тяжелого машиностроения и т.д. Важно указать, что новые предприятия должны были не только выпускать продукцию, но и формировать нового советского человека. Постепенно уральские заводы и города становились территориями даже более советскими, чем те, что были расположены ближе к политическому центру страны, несмотря на их географическое положение.

⁵ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. Москва: Новое литературное обозрение, 2014.

Схожая ситуация затем произошла со стройками в Сибири, которые стали позиционироваться как места формирования настоящего человека: суровые условия края были призваны очистить его от негативных явлений больших городов и закалить. По мнению Михаила Рожанского,

Сибирь служит как пространство «настоящего». Она становится метафорой для большой истории: великая стройка, возрождение идеалов, покорение природы. <...> «Привычка» к большому стилю... тоже объясняет обращение к Сибири как исторической категории, семантически насыщенной в советской мифологии и русской культурной традиции. Эта семантика позволяет сочетать историческую масштабность, дорогую советскому идеализму, с обращением к герою, стремящемуся жить настоящей жизнью, оставаясь самим собой. Сибирь предстает поприщем для вольного/освобожденного человека, готового к Истории⁶.

Ярким примером подобного восприятия служит фильм «Карьера Димы Горина» режиссеров Фрунзе Довлатяна и Льва Мирского, который вышел на экраны в 1961 г. В фильме рассказывается про сотрудника сберкасс, который ожидает повышения до заведующего филиалом, но в силу обстоятельств вынужден поехать на строительство ЛЭП Сибирь-Урал. Там главный герой находит свою любовь, друзей и принимает решение остаться. Таким образом успешная карьера и теплое место в городе противопоставляются настоящим чувствам и самореализации. Схожи по посылу и картины «сурового стиля», в центре которых находятся геологи, строители, буровики и т.п., призванные олицетворять трудовую романтику 1960-х годов, и поэма Евгения Евтушенко «Братская ГЭС» об ударной комсомольской стройке на Ангаре, в которой воплощается дух оптимизма и подвига, и другие произведения литературы и искусства этого периода.

Перечисленное позволяет увидеть, как смещаются символические центры советского проекта в зависимости от текущих задач, стоящих перед страной. Следовательно, советская темпоральность была не однородна, в зависимости от разных аспектов она то концентрировалась, то наоборот, разжижалась, создавая некие идеологические лакуны. Что вновь возвращает нас к мысли о необходимости более плотного анализа советского хронотопа. Одновременно с этим обращение к пространственному аспекту советской системы ставит важный вопрос о взаимоотношении центра и периферии.

⁶ Рожанский М. Испытание Сибирью: настоящий человек на великих стройках и в фильмах 1959 года // Интернет-журнал «Гэфтер». URL: <http://gefter.ru/archive/24081> (дата обращения: 10.07.2023).

Постколониальная рамка советской истории

В мировой историографии тема колониального и постколониального оказывается наиболее острой в силу общественного запроса со стороны части западного общества. Исследователи вынуждены реагировать на вопросы об истоках и о современном состоянии расового неравенства. Поэтому постколониальная рамка, как и феминистская оптика, объединяют исследовательские и активистские подходы. Традиционно разговор о постколониальности начинают с работы Эдварда Саида «Ориентализм»⁷, в которой он обозначил проблематику того, что колониальное влияние не исчерпывается ограблением подчиненной территории, а охватывает и значительную часть интеллектуальной традиции. Так, европейцы конструируют образ Востока, который в дальнейшем начинает использоваться самими жителями Востока для самоописания, следовательно, даже когда политическое и военное влияние метрополии прекращается, интеллектуальная зависимость остается. Несмотря на сложность точного определения «постколониальных исследований», на данный момент они являются важной частью критической теории, которая стремится провести деконструкцию существующего порядка.

Методологическая сложность возникает, когда положения, выработанные в русле западной интеллектуальной традиции, пытаются использовать для анализа советской истории. Если Российская империя еще вписывается в классическую модель модерновой империи, по типу Французской или Британской, хотя ее колонии находились не на заморских территориях, а на Кавказе, в Средней Азии и Сибири, то Советский Союз оказывается неоднозначной структурой. Конечно, существует достаточно большой блок исследований, которые применяют постколониальную концепцию к СССР⁸, особенно актуален данный подход в странах, которые стремятся преодолеть советское наследие, и в этих рамках концепция того, что СССР – империя, оказывается достаточно удобной, особенно после событий 24 февраля 2022 г., когда советское прошлое становится частью описания современной российской политической системы. Но достаточно быстро возникает ревизия такого подхода, и начинается дискуссия об особом характере советского строя.

⁷ Саид Э.В. Ориентализм / перевод с английского К. Лопаткиной. Москва: Гараж, 2021.

⁸ Gleason G. Independence and Decolonization in Central Asia // Asian Perspective. 1997. Vol. 21, № 2. P. 223–246; Moore D.Ch. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique // Publications of the Modern Language Association of America. 2001. Vol. 116, iss. 1. P. 111–128; Carey H.F., Raciborski R. Postcolonialism: A Valid Paradigm for the Former Sovietized States and Yugoslavia? // East European Politics and Societies. 2004. Vol. 18, iss. 2. P. 191–235; Adams L. Modernity, Postcolonialism and Theoretical Form in Uzbekistan // Slavic Review. 2005. Vol. 64, iss. 2. P. 333–354.

Терри Мартин⁹ в своей известной книге выдвинул идею «империи позитивной дискриминации». В качестве кейсов автор выбрал Украинскую ССР и Советский Восток, хотя второму кейсу уделяется гораздо меньше внимания. Украина оказывается для Терри Мартина удобным примером изучения политики «коренизации», анализа «сопротивления» национализации и внимательного отношения к национальным меньшинствам. Хотя другие авторы¹⁰, изучающие советскую национальную политику, не во всем были согласны с Терри Мартином, но также отмечали, что Советский Союз придерживался особого курса в отношении национальных регионов, что отличает его от других колониальных империй. Сергей Абашин, стремясь критически проанализировать аргументы за и против советского колониализма, отмечает:

Что касается колониальности, то я предложил бы такую формулу: она, колониальность (в виде тех или иных практик, институтов или событий), безусловно, была в советском, но само советское далеко не исчерпывалось колониальным и не сводилось к нему. В некоторые периоды и в некоторых ситуациях колониальный характер отношений мог усиливаться или представляться значительнее, но в целом в советское время такого рода отношения не были доминирующим фактором и структурообразующим фундаментом, определявшим всю государственную политику и все устройство повседневной жизни¹¹.

Конечно, постколониальный язык, в силу своей разработанности, оказывается удобным инструментом в политическом и активистском дискурсе, но при этом существенным образом ограничиваются возможности академической аналитики, тем самым, по сути, создаются бинарные объяснительные модели, в рамках которых весьма сложно уловить нюансы прошлого.

Советский субъект в борьбе за нормативность

Важным аспектом советской системы было формирование нового субъекта. Советский человек в публицистических работах в рамках концепции *Ното soveticus* зачастую описывается как пассивный и лукавый. При этом советская

⁹ *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, London: Cornell University Press, 2001.

¹⁰ *Brown K.* A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004; *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, London: Cornell University Press, 2005.

¹¹ *Абашин С.* Советское = колониальное? (За и против) // Понятия о советском в Центральной Азии: Альманах Штаба № 2 / составители Г. Мамедов, О. Шаталова. Бишкек: Штаб-Press, 2016. С. 49.

идеология всегда стремилась привить новому советскому человеку активную позицию. Она не должна была противоречить официальной советской доктрине или выходить за ее границы, но в нормативных рамках советский человек мог не ждать распоряжений, а действовать по личной инициативе. Например, стахановцы не просто следовали нормам выработки по плану, а превышали плановые показатели; участники движения рационализаторов и изобретателей не довольствовались теми технологиями, которые разрабатывались в советских НИИ, а собственными силами совершенствовали различные аспекты производства. При этом новый советский человек должен был быть активным субъектом не только в трудовой деятельности, но и в общественной жизни. Так, «Моральный кодекс строителя коммунизма» провозглашает: «Добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест» и «Высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов». Таким образом, правильный советский человек должен был не только хорошо трудиться, но и активно участвовать в поддержании нормативного порядка. В этом требовании к строителю коммунизма легко увидеть проявление политики дисциплинирования, характерной для модерновых обществ¹². В связи с этим в общей массе строителей коммунизма выделилась некая часть субъектов, которые взяли на себя функцию надзора за советским обществом.

В качестве основного источникового материала в статье будут использованы документы, хранящиеся в Латвийском государственном архиве (Latvijas Valsts arhīvs). Работа с его фондами важна и интересна по ряду причин: 1) материалы Латвийской ССР позволяют посмотреть на советскую систему не из центра, а из национальной республики; 2) отечественные исследователи практически не работали с материалами этого архива, многие его документы не представлены в русскоязычной историографии, а знакомство с современными работами латвийских коллег затруднено языковым барьером; 3) в силу сложной международной обстановки доступ к архивам прибалтийских республик для российских исследователей существенно ограничен в долгосрочной перспективе.

В данной работе в первую очередь анализируются документы, выражающие мнение рядовых советских граждан в виде жалоб в различные органы власти. В историографии утвердился термин «письма во власть», был опубликован ряд сборников по раннесоветской истории¹³, и есть работы, опирающиеся на эти

¹² Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / перевод с французского В. Наумова. Москва: Ad Marginem, 1999.

¹³ «Проверкой заявления установлено...»: повседневная жизнь людей в письмах и обращениях к власти. 1930-е годы / под редакцией Е.В. Кодина. Смоленск: Свиток, 2013; Письма во власть. 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / составители А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк.

документы¹⁴. Конечно, в эго-документах, таких как дневники или переписка, можно обнаружить более развернутые индивидуальные представления о моральной экономике советской системы, но проблема заключается в том, что эти представления зачастую герметичные. В то время как письма во власть предполагают коммуникацию между разными уровнями советского дискурса, которая потенциально включает не только умение «говорить по-большевистски», но и наличие различных индивидуальных позиций, стоящих на страже советского образа жизни.

Письма во власть

Для того чтобы составить некое общее представление, приведем количественные данные о письмах во власть в Латвийской ССР. Для примера, в 1973 г. в органы государственной власти поступило 2 523 письма, а в 1974 г. – 2 570 писем. Большею частью письма поступали из Риги – 48,7 %. Это можно объяснить не только высокой плотностью населения в республиканской столице, но и более высоким уровнем образования и интеграции в советскую систему, что позволяло использовать каналы писем во власть для решения собственных проблем. Основными темами, которые волновали население, были следующие: жилищный вопрос – 36,7 %; коммунальные услуги – 10,5 %; работа предприятий – 9,2 %; приобретение автомобилей – 8,4 %; социальное обеспечение – 5,6 %¹⁵.

Важно отметить, что из почти 2 500 писем, поступивших в органы государственной власти, в 243 случаях просьбы были удовлетворены, в 374 – граждане получили отказ, а по 800 письмам даны разъяснения¹⁶. Получается, что только каждый десятый «пишущий во власть» мог рассчитывать на

Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002; Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / составители А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998.

¹⁴ *Нерар Ф.-К.* Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928–1941) / перевод с французского Е.И. Балаховской. Москва: РОССПЭН, 2011; *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века / перевод с английского Л.Ю. Пантиной. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011; *Golfo A.* Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca; London: Cornell University Press, 2003; *Fitzpatrick S.* Supplicants and Citizens: Public Letter-Writing in Soviet Russia in the 1930s // *Slavic Review*. 1996, Vol. 55, iss. 1. P. 78–105; *Савин А.И., Деннингхаус В.* «Письма во власть» как модус религиозного диссидентства в брежневскую эпоху // *Россия XXI*. 2017. № 6. С. 118–141.

¹⁵ Переписка с Верховным Советом ЛССР и Советом Министров ЛССР по оргмассовой работе и выборам и другим вопросам // Латвийский государственный архив (далее – ЛГА). Ф. 1403. Оп. 1. Д. 338. Л. 27.

¹⁶ Там же. Л. 28.

положительное решение своего вопроса, формулировка «даны разъяснения» по сути означала отказ, но с обоснованием. Основной проблемой советских институтов был постоянный дефицит ресурсов, и даже когда люди имели все основания для обращения, зачастую не было материальных возможностей удовлетворить их запросы, например, в улучшении жилищных условий. В таком случае автор обращения получал информацию о том, что в текущей ситуации решить его вопрос не представляется возможным, но в следующей пятилетке расходы на устранение проблемы будут запланированы. Официально советские органы власти должны были вести планомерную работу с обращениями граждан, которая являлась важным показателем деятельности различных структур. Формальное отношение к жалобам граждан считалось неприемлемым, поскольку вызывало социальное напряжение в советском обществе, чего нельзя было допускать.

Очевидно, что население прежде всего волновали бытовые вопросы, можно сказать, что у значительного количества граждан не были удовлетворены базовые потребности, и, следовательно, они не могли осмыслять более абстрактные проблемы. Однако одновременно с этим прослеживается и рост уровня потребления. Особенно ярко его отражает количество запросов по проблеме доступности личного автотранспорта. «Длинные семидесятые» в СССР ознаменовались формированием советского варианта общества потребления, где тремя главными элементами успеха были квартира, машина и дача. При этом наличие личного автомобиля расширяло мобильность советских граждан и открывало доступ к различным другим благам. Поэтому то, что в 1950–1960-е годы еще могло казаться предметом роскоши, в 1970-е гг. уже начинает восприниматься как норма советской жизни. Аналогичная ситуация возникла и в отношении жилищного вопроса: уже советские чиновники отмечали, что если раньше в заявлениях люди просили выделить любое жилье, то теперь стали высказывать просьбы о расселении коммунальных квартир и предоставлении отдельного жилья со всеми удобствами¹⁷.

При этом неверно было бы утверждать, что советских граждан волновали только меркантильные вопросы. Помимо формирования запроса на материальное благополучие, в позднем СССР стало активно развиваться и экологическое сознание. Если в довоенный период дым труб советских предприятий означал прогресс и успехи социалистического строительства, то с конца 1950-х гг. вопросы окружающей среды все активнее поднимались и

¹⁷ Переписка с Верховным Советом ЛССР и Советом Министров ЛССР по оргмассовой работе и выборам и другим вопросам // ЛГА. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 338. Л. 30.

населением, и государством¹⁸. Так, в результате рассмотрения письма В.Я. Иевиньша были проведены работы по устранению загрязнения Рижским нефтемаслозаводом водоема Саркандаугавы и лесных площадей в Инчукалнском леспромхозе. Помимо этого, отмечалось поступление жалоб на загрязнение предприятиями воздуха, воды озер и рек, на шум, который производили предприятия и транспортные средства. Если раньше люди готовы были жить в коммунальной квартире с видом на трубы завода, то теперь их запросы связывались с отдельным жильем и чистым воздухом. В значительной степени этим объясняется массовое строительство в позднем СССР спальных районов, которые были значительно удалены от промышленных предприятий.

Несмотря на то, что большинство писем было посвящено попыткам решить личные проблемы, в архивных фондах сохранились и материалы о стремлении восстановить справедливость. Подобные письма могли быть как индивидуальными, так и коллективными. Например, в 1974 г. в адрес руководства ЛССР поступило письмо от работников Вентспилса, в котором они уличали ряд руководителей предприятий города в неподобающем поведении, поскольку те «пользуются своим служебным положением, пьянствуют и ведут разгульно-развратный образ жизни», далее перечислялись случаи злоупотребления коньяком, несправедливое распределение квартир и распутные половые связи¹⁹. В результате проверки было выявлено, что распределение квартир происходило согласно очереди, а указанные в письме лица не имели возможности влиять на этот процесс, случаи грубости с подчиненными нашли подтверждение, на что и было указано, как на недопустимую практику. Но в целом письмо было признано недостоверным. В этом же фонде хранится письмо в адрес Первого секретаря ЦК КП Латвии Августа Восса, подписанное «Оскорбленные, обманутые, ни за что потерпевшие, работяги». В жалобе указывалось, что в дачном кооперативе МВД «Дружба» милицееское руководство установило свои порядки, что наносит ущерб другим его членам. В результате проверки была установлена виновность бывшего министра МВД В.А. Сея и его помощников, «многие из указанных в письме товарищей на коллегии МВД получили строгие административные взыскания, а некоторые уволены из органов МВД»²⁰. Таким образом видно, что обращение в вышестоящие инстанции могло иметь различные последствия, однако руководство республики стремилось

¹⁸ Раков Т.Н., Фокин А.А. «Все сегодня о природе думают»: поиски агентности в позднесоветском экологическом плакате // Уральский исторический вестник. 2022. № 2 (75). С. 106–114.

¹⁹ Письма, заявления и жалобы трудящихся, содержащие секретные сведения и материалы проводимых проверок за 1974 год // ЛГА. Ф. 101. Оп. 38. Д. 92. Л. 106.

²⁰ Там же. Л. 87.

разобраться в деталях ситуации. При этом оба упомянутых письма отражают проблему, характерную для всего Советского Союза, – конфликты с местным руководством. Советская система допускала возможность критики отдельных недостатков на местах, если при этом не ставился под сомнение сам порядок. Например, на уровне поселка во время выборов избиратели могли забаллотировать кандидата, который обычно был представителем местной номенклатуры, и это считалось проблемой местного партаппарата, недостаточно строго подошедшего к поиску кандидатуры потенциального депутата. Такой случай мог произойти и в городе, но уже с более низкой вероятностью, а на выборах в республиканский или союзный Верховный Совет кандидат практически никогда не мог быть забаллотирован. Наоборот, на этих выборах кандидаты получали более 99 % голосов. Поэтому в разных частях Советского Союза граждане, сталкиваясь с негативными практиками управления, стремились найти поддержку в высших эшелонах власти. Например, похожее письмо было обнаружено уже не в Риге, а в Ереване:

Мы ждем, что вы выявите оводов деревни. Они больше не имеют права жить. Нож дошел до кости. Если закон не примет во внимание правду, мы сделаем это сами. Мы возьмем власть в селе в свои руки и предъявим родной партии ее подлых сыновей. Если представитель районной власти, как и бездельники района, будет продолжать отстаивать интересы грабителей, то мы лично пойдем к Хрущеву и укажем, что тот, кто пришел сверху, взяточник, что он за нас не заступился²¹.

Конечно, в этом примере из более раннего периода используется достаточно экспрессивная лексика, авторы скорее ставят ультиматум, чем просят защиты, в отличие от членов кооператива «Дружба», которые выбрали тактику самоуничтожения, примерив на себя маски «униженных и оскорбленных». Но общая идея коммуникации низов и верхов для обуздания руководства среднего звена проходит красной нитью во многих письмах во власть.

В одном из писем содержалась информация о том, что некто А.В. Васильев использует служебную машину для поездки к своим родителям, которые проживают от него на расстоянии 60 км. Причем автор письма подсчитал, что это составляет 120 км в неделю и 5–6 тыс. км в год. В письме указывалось, что эти поездки можно было совершать и на автобусе, но за плату, а секретарь райкома партии использует бесплатный бензин и служебную машину. При проверке выяснилось, что такие поездки действительно совершались, но злоупотреблений в использовании служебной

²¹ Проверка писем в газету «Правда» // Центральный государственный архив документов общественно-политических организаций Республики Армения. Ф. 1. Оп. 41. Д. 131. Л. 43.

машины не установлено²². Данный случай демонстрирует то, что ряд авторов писем во власть стремились установить более жесткие нормы поведения, видимо используя известные им факты в личных конфликтах. При этом вышестоящее руководство, которое, возможно, тоже пользовалось служебным положением в личных целях, воспринимало подобную практику вариантом нормы.

Техника на страже морали

Интересной особенностью подобных жалоб в позднесоветскую эпоху становится включение в борьбу за мораль технических средств. Рост благосостояния советских граждан, о чем писалось выше, привел к массовому распространению персональной техники, в том числе фотоаппаратов. Если раньше можно было только верить на слово авторам обращений, то теперь некоторые из них стали прикладывать к своим письмам фотографии, что должно было служить неопровержимым доказательством. Так, М.А. Равис обратился с информацией о недостойном поведении начальника управления сельского хозяйства райисполкома М.В. Григалиса. Его проступок состоял в том, что во время ужина, организованного после переезда и перевозки вещей, он злоупотребил спиртными напитками.

В период ужина т. Григалис допустил отступление от принятых норм поведения руководителя, а именно в присутствии подчиненных моментами находился в неприличной позе²³.

К обращению была приложена фотография, где мужчина в рубашке и брюках лежит на ковре возле накрытого столика. По мнению адресанта, даже в приватной обстановке во время дружеского ужина человек, наделенный советской системой властью, должен был следовать неписанным правилам поведения. При этом снимок был сделан человеком, находившимся в той же компании, т.е. даже среди приятелей невозможно было скрыться от всевидящего ока борцов за справедливость и советскую мораль. Более пикантный вариант можно обнаружить в жалобе на работника милиции, члена КПСС Р. Пекше²⁴. Его обвиняли в том, что, бросив свою жену с двумя детьми, он сожительствует с медсестрой, у которой есть свой муж, но помимо этого встречается еще с другими женщинами и устраивает оргии, на которых для

²² Письма, заявления и жалобы содержащие секретные сведения и материалы проводимых проверок // ЛГА. Ф. 101. Оп. 35. Д. 97. Л. 48–49.

²³ Документальные материалы по вопросам идеологической работы, науки, культуры // ЛГА. Ф. 101. Оп. 37. Д. 87. Л. 38.

²⁴ Письма, заявления и жалобы, содержащие секретные сведения и материалы проводимых проверок // ЛГА. Ф. 101. Оп. 35. Д. 97. Л. 207–208.

него исполняют стриптиз. По мнению автора письма, такое поведение сходит ему с рук, поскольку у него есть дружественные связи с руководством партийной организации района. Помимо занятого обвинения в организации стриптиза в латвийской провинции, это письмо выделяется тем, что в него вклеена вырезанная из фотографии обнаженная фигура Р. Пекше. Скорее всего, сама фотография была сделана во время посещения бани, поскольку непристойное поведение в бане также упоминаются в жалобе. По-видимому, фотографии предназначались для близкого круга лиц, но стали одним из доказательств обвинения. При проверке со стороны ЦК КП Латвии выяснилось, что все обвинения в адрес милиционера искажают реальные факты, а потому с ним просто провели воспитательную беседу без оргвыводов. В этой ситуации важен именно факт создания коллажного текста, когда письменная жалоба была усилена визуальной репрезентацией «разврата» через обнаженную натуру.

Подобный надзор за общественной моралью невозможен был без нормативных установок, а потому категории справедливости и морали являлись важным элементом советской идеологии. Следует оговориться, что эти категории всегда были пластичными и жестко не фиксировались, в отличие, например, от норм права. Так, Дебора Филд отмечает, что еще с периода позднего сталинизма категория морали тесным образом увязывалась с общественным прогрессом в СССР²⁵. Конечно, и раньше бинарная оппозиция моральный/аморальный облик существовала в официальном советском языке и обвинения в аморальном поведении активно использовались при партийных чистках еще с 1920-х годов. Но в позднесоветский период моральные нормы начинают активно распространяться на все советское население, а не только на партийную номенклатуру. В значительной степени это было связано с идеей расширенного управления государством в период перехода от социализма к коммунизму и вовлечением широких масс в этот процесс. Олег Хархордин утверждает, что позднесоветский период ознаменовался заменой массового организованного насилия на различные формы более либерального управления и выстраивание системы общественного контроля²⁶. Таким образом, анализ позднесоветских жалоб можно поместить в две методологические рамки, которые позволяют переосмыслить взгляд на позднесоветское общество. Советские жалобы можно рассматривать в рамках концепции «моральной экономики» (the moral economy), которую сформулировал Эдвард Плампер

²⁵ Field D.A. *Private Life and Communist Morality in Khrushchev's Russia*. New York: Peter Lang, 2010.

²⁶ Хархордин О.В. *Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; Москва: Летний сад, 2002.

Томпсон на основе изучения народных волнений в Англии в XVIII в.²⁷ По его мнению, восставшие крестьяне поднимали бунты не только из-за повышения цен на продовольствие и голода, но также из-за нарушения представлений о традиционных социальных нормах. Как только, по мнению крестьян, возвращалось прежнее положение вещей, они прекращали свою активность. Таким образом, они не являлись рациональными экономическими субъектами и могли руководствоваться прежде всего не своей выгодой, а моральными установками. Значительное количество обращений и жалоб граждан, даже если мы выносим за скобки массовые протесты, которые не были редкостью в СССР, можно рассматривать именно как проявление «моральной экономики». Следовательно, граждане стремились не изменить существующие правила игры, а напротив, привести окружающую их реальность к тем представлениям о морали и справедливости, которые были распространены в различных группах советского общества. Дидьен Фасен предлагает смотреть на официальные институты государства как на производителя авторитетного дискурса «моральной экономики»²⁸. Причем это не абстрактные идеи, а практики, которые через вынесение конкретных санкций позволяют очертить границы допустимого. Важным уточнением для использования рамки «моральной экономики» применительно к советскому периоду является гибридный характер советского субъекта. Если английский крестьянин был продуктом домодерного общества и его представления о морали формировались прежде всего традицией, то гражданин СССР уже жил в модерном обществе. Но при этом советский субъект оказывался гибридной сущностью, ибо соединял в себе как современные элементы, например, умение писать жалобы и выражаться по-большевистски, так и традиционные нормы морали. Если в постреволюционный период были эксперименты с формированием новой морали, то сталинский «правый поворот» вернул многие дореволюционные элементы и утвердил их в советском обществе.

Другой теоретической рамкой для осмысления жалоб может быть идея советского гражданского общества. Следует отметить, что сама традиция осмысления гражданского общества восходит ко временам Аристотеля и поэтому в современности имеется целый спектр определений гражданского общества (существуют, например, определения Э. Геллнера, П. Шмиттера, Л. Даймонда, Л. Ронигера, К. Гаджиева, В. Дзодзиева и др.). Поскольку большинство авторов, стремившихся осмыслить категорию гражданского

²⁷ *Thompson E.P.* The Moral Economy of the English Crowd in the 18th Century // *Past & Present*. 1971. Vol. 50, iss. 1. P. 76–136.

²⁸ *Fassin D.* et al. *At the Heart of the State: The Moral World of Institutions*. London: Pluto Press, 2015.

общества, работали в рамках западного общества, то основной акцент они делали на принципах либеральной демократии и оппозиции гражданского общества и власти. С опорой на идеи Шарля Монтескье делался вывод, что гражданское общество – это самоорганизация граждан для защиты своих прав от произвола власти. В отношении отечественной истории идею гражданского общества пытались применить ряд историков: Борис Миронов, Лариса Захарова, Игорь Побережников, Наталья Проскуракова, Елена Казакова-Апкаримова и др., но делалось это прежде всего на материале Российской империи конца XIX – начала XX века. Основными институтами гражданского общества виделись местное самоуправление, независимые медиа, независимый суд и общественные организации. Естественно, что применительно к Советскому Союзу сложно говорить о независимых институтах, поэтому наличие гражданского общества в СССР вызывало у исследователей большие сомнения. Пожалуй, единственной значимой попыткой осмыслить гражданское общество в СССР стала статья Александра Шубина²⁹, в которой он говорит о наличии в советской системе развитых элементов самоорганизации и существовании большого количества объединений, которые хоть и были подконтрольны режиму, но имели достаточно широкие полномочия. Представленные в этой статье материалы позволяют посмотреть на историю советского гражданского общества «снизу». Советские граждане не были субалтернами в классическом смысле, поскольку перед ними не стоял вопрос о том, могут ли они высказываться, они точно знали, что могут и будут говорить. Масса писем и других обращений наглядно иллюстрирует наличие широкой низовой активности. Стремление советских людей различными способами как решить свои бытовые проблемы, так и исправить «поломки» системы позволяет говорить об особом варианте гражданского общества в СССР.

Аморальность торговли

Торговля в советской системе всегда была источником конфликтов, поскольку в условиях товарного дефицита важной опцией становилась возможность распределять материальные блага. Неслучайно такие профессии и должности, как продавец, официант, заведующий магазином или складом были весьма престижными в позднем СССР. В качестве примера можно вспомнить фильм «Блондинка за углом» (1984 г.), где Надежда (героиня Татьяны Догилевой), работая в обычном магазине, ведет довольно красивую по советским меркам жизнь. Отметим, что работников торговли всегда подозревали в криминальной деятельности и нарушениях советской морали.

²⁹ Шубин А.В. Гражданское общество в СССР // Основные этапы формирования гражданского общества в странах Западной Европы и России в XIX–XX вв. / под редакцией С.П. Пожарской. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2007. С. 237–257.

Этому способствовали и громкие уголовные дела, особенно в начале 1980-х годов. Так, во Львове в 1980 г. была арестована супружеская пара Гольденбергов, которые заведовали баром «Вежа» и двумя магазинами. В результате расследования были выявлены масштабные хищения, за которые Соня Гольденберг получила 14 лет лишения свободы, а Хаим Гольденберг был приговорен к высшей мере наказания³⁰. Или знаменитое «Елисеевское дело», когда был арестован Юрий Соколов и ряд других руководителей московской торговли.

Поэтому не случайно, что целый блок писем был посвящен именно вопросам морали работников торговли. Например, группа коммунистов Управления торговли Юрмальского райисполкома Латвийской ССР обращались напрямую к Леониду Брежневу. Начинали свое письмо они важной символической формулой:

Из образа жизни и деятельности В.И. Ленина, из образа жизни и деятельности наших руководителей-коммунистов, нашей вседневной пропагандой и агитацией, критикой и самокритикой показано лицо, каким должен быть советский руководитель, хозяйственник³¹.

Это достаточно яркий пример использования авторитетного дискурса для легитимации дальнейшего обращения. Описание поведения локального начальника вписывается в глобальный контекст советской нормативности, где главным авторитетом является Владимир Ленин, чей моральный облик не мог быть подвергнут сомнению. То есть любой советский руководитель должен вести себя как Ленин, причем не реальный Ленин, а его идеализированная и канонизированная версия.

Основное содержание письма было связано с деятельностью начальника Управления торговли Юрмальского райисполкома Латвийской ССР Р.Я. Вушкана. Его обвиняли по множеству аспектов, начиная с того, что он сгноил морковь и апельсины на десятки тысяч рублей, и заканчивая неправильным подбором кадров. Есть там и интересные детали:

Для получения новой машины из города Горького, был направлен личный шофер т. Готовкин, который доставил новую автомашину “Волгу” белого

³⁰ Андрющенко Э. Не доливал сироп и был расстрелян. История супругов из советского Львова, которых арестовали за хищения и взятки // HistoryPorn. 2021 (18 апреля). URL: https://vk.com/@history_porn-ne-dolival-sirop-i-by-l-rasstrelyan-istoriya-suprugov-iz-sove (дата обращения: 07.07.2023).

³¹ Письма, заявления и жалобы, содержащие секретные сведения и материалы проводимых проверок // ЛГА. Ф. 101. Оп. 35. Д. 97. Л. 70.

цвета. Цвет данной машины т. Вукшану не понравился. На второй день в город Горький был направлен заведующий гаражом т. Двоякин с заданием – получить машину черного цвета в экспортном варианте³².

Поскольку черная «Волга» была признаком высокого положения в советской иерархии, то важно было получить не просто машину, а машину с символическим статусом. А экспортный вариант должен был еще больше подчеркнуть статус владельца. При этом надо понимать, что получить машину, даже служебную, было крайне сложно в СССР, ибо были огромные очереди, и обменять один автомобиль на другой в кратчайшие сроки можно было только посредством личных связей или коррупционных схем. Поскольку Р.Я. Вушкан был не просто руководителем торговли, имевшим доступ к дефицитным товарам, но еще и работал в курортном городе, то мог обменивать доступ к прибалтийским курортам на нужные ему вещи.

В результате проверки значительная часть фактов подтвердилась, хотя комиссия отметила, что т. Вукшан сделал достаточно много для расширения сети общественного питания и торговли в городе Юрмала. Тут можно добавить, что для курортных городов как Балтики, так и Черного моря нехватка предприятий общепита всегда была головной болью, особенно эта проблема усилилась в 1970-е годы, когда возрос поток «дикарей», которые не были прикреплены к санаториям с централизованно организованным питанием. Но в отчете при проверке обращения отмечалось, что «в стиле его работы имеются серьезные недостатки – зазнайство, некритическое отношение к результатам хозяйственной деятельности»³³. Такие термины, как зазнайство, очковтирательство, аллилуйщина³⁴ были важной частью общественно-политического языка советской эпохи, но практически исчезли из современного словоупотребления. Показательно, что в главном сатирическом журнале СССР «Крокодил» тема начальника-бюрократа, оторвавшегося от коллектива, была одной из самых популярных, что отражает как распространенность подобных практик, так и желание их искоренить в рамках советской модели управления.

³² Письма, заявления и жалобы, содержащие секретные сведения и материалы проводимых проверок // ЛГА. Ф. 101. Оп. 35. Д. 97. Л. 71.

³³ Там же. Л. 78.

³⁴ В речи Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС есть такой фрагмент: «Товарищи! Культ личности способствовал распространению в партийном строительстве и хозяйственной работе порочных методов, порождая грубые нарушения внутрипартийной и советской демократии, голое администрирование, разного рода извращения, замазывание недостатков, лакировку действительности. У нас развелось немало подхалимов, аллилуйщиков, очковтирателей» (Цит. по: *Брусиловский Н.* Никита Хрущев. О культе личности и его последствиях // Историк. 2016. № 14. URL: <https://историк.рф/journal/post/6120> (дата обращения: 10.07.2023)).

Таким образом, в советской «моральной экономике» зазнайство было существенным проступком, поскольку ставило под сомнение подлинно демократический характер советской власти.

Заключение

Конечно, в рамках одной статьи невозможно детально описать все материалы, которые отложились в архивных фондах, поэтому представленные в статье фрагменты призваны продемонстрировать основные тенденции борьбы советских людей за моральные нормы. При этом стоит отметить, что зачастую такая борьба не была бескорыстной, а наоборот преследовала вполне меркантильные цели, связанные со сведением личных счетов или попыткой получить для себя дефицитные ресурсы. Но даже в рамках меркантильности коммуникация между авторами писем и институтами власти шла на языке, где на первый план выходил именно дискурс «моральной экономики».

Анализируя материалы Латвийского государственного архива, можно проследить двойственность сложившейся в республике в 1970–1980-е гг. ситуации. С одной стороны, тематика и даже общественно-политический язык большинства обращений вписываются в общие тенденции, характерные для позднего СССР. Конечно, часть писем написана на латышском языке, но даже в них легко вычитываются советские риторические фигуры, которые в этот период могли использовать и на Урале, и в Средней Азии. С другой стороны, определенная региональная специфика прорывается через плотную массу советской гомогенности. Формирование советского варианта общества потребления в период «длинных семидесятых» происходило в СССР неравномерно, а потому существовали территории, где уровень потребления был выше, чем в других. В письмах из Латвии можно увидеть гораздо больше жалоб, связанных с развитым уровнем потребления, нехарактерным для большинства центральных территорий РСФСР. Очевидно, что в рамках «советской империи» жители Латвийской ССР, вне зависимости от своей национальности, не чувствовали себя людьми второго сорта по сравнению с жителями РСФСР, поскольку по ряду аспектов баланс центр-периферия смещался в пользу союзных республик.

Архивные материалы показывают, что письмо во власть воспринималось населением как эффективный механизм взаимодействия с властью и возможность решить насущные проблемы. Значительная часть населения активно участвовала в идеологической кампании борьбы за советскую нормативность, при этом зачастую их представления о морали были более строгими, чем в рамках авторитетного дискурса. Анализ писем во власть показывает, что в советском обществе существовало множество групп и точек зрения, поэтому вместо единомыслия лучше говорить о разномыслии. Все это

позволяет констатировать существование особых вариантов институтов гражданского общества, которые стремились поддержать существующие нормы «моральной экономики» позднего социализма. И, таким образом, представление о бинарной оппозиции советское/антисоветское является существенным упрощением при анализе советской системы и не может в полной мере описывать взаимодействие власти и населения, что особенно актуально применительно к позднесоветскому периоду, когда возникла необходимость поиска новых механизмов мобилизации общества. По нашему мнению, следует внимательнее изучать голоса «снизу», что позволит выявить множественные точки зрения на советскую систему и специфику советского хронотопа.

Introduction

The chronotope is a concept that describes how configurations of time and space relate to each other. It became firmly embedded in literary theory through the works of Mikhail Bakhtin.¹ Aaron Gurevich further adapted this idea for historical research as well. He emphasized that any cultural phenomenon takes place simultaneously in time and space,

Sometimes we do not realize that space and time not only exist objectively but are also subjectively experienced and understood by people, and in different civilizations and societies, at different stages of social development, in different strata of the same society and even by separate individuals, these categories are perceived and applied differently.²

Despite the fact that there are currently a number of trends in historical research that pay much attention to the spatial factor, first of all one should mention the Annales school³ and world-systems analysis.⁴ In the study of Soviet history, the temporal factor comes to the forefront while the spatial factor remains in the background. Researchers offer different variants of chronological division of the Soviet past. The division by Soviet leaders remains the most popular chronology, although other markers are also actively used: the New Economic Policy, collectivization, Khrushchev Thaw, stagnation, and Perestroika. It is taken into account that different parts of the USSR had certain specifics, thus the conditions in the Baltic republics differed from those in the Central Asian republics. In general, however, the Soviet experience was geographically homogeneous. This is largely due to the fact that the historical model of the capital-centricity was also reflected in the logic of historical research. The traditional researcher's view on Russian history is based on the metropolitan point of view even if the object of study is one of the country's regions. This is the case because all the main decisions are made in the capital, and therefore the state institutions not only produce but also store large collections of documents. It turns out that the point of view typical for Moscow or St Petersburg/Leningrad remains dominant within historical research. As an example, let us turn our attention to the book by Aleksei Yurchak,⁵ which is a central text for the discussion of the late-

¹ M.M. Bakhtin, *Epic and Novel* [in Russian] (St Petersburg: Azbuka, 2000).

² A.Ya. Gurevich, *The Categories of Medieval Culture* [in Russian] (Moscow: Iskusstvo, 1984).

³ F. Braudel, *The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II* [in Russian], pt. 1, *The Role of the Environment*, trans. M.A. Yusim (Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002).

⁴ I. Wallerstein, *World-Systems Analysis: An Introduction* [in Russian], trans. N. Tyukina (Moscow: Izdatel'skii dom "Territoriya budushchego", 2006).

⁵ A. Yurchak, *Everything Was Forever, Until It Was No More. The Last Soviet Generation* [In Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014).

Soviet society. It is written on the basis of interviews of Moscow and Leningrad residents and reflects the views of certain groups in late-Soviet society. Is it however acceptable to consider the ideas of "non-discoverable space" and the "Imaginary West" as universal for all groups of Soviet society throughout the whole territory of the Soviet Union?

Based on this, let us pose the following question: To what extent should the spatial and geographical factors be taken into account in the study of the Soviet experience? In the political and economic history of the USSR, heterogeneity was initially an important characteristic of the Soviet system. Differences between regions in national composition or in the level of economic development were indicative of the problems faced by the Soviet leadership of that time. But if we accept geographical heterogeneity of the Soviet system, can we actually speak of different temporality of the Soviet depending on the territory? For example, with regard to the period of "the Long Seventies," journalism and academic research use the term "stagnation," which implies economic stagnation and increasing crisis phenomena in various spheres of Soviet society. But if we look, for example, at the territory of Western Siberia in those years, we can see active development of oil and gas fields, infrastructure development, and social transformation. Thus, locally "stagnation" often turned into its opposite. Such situations can be observed in different parts of the USSR. Based on this, it can be argued that depending on geography, social time flowed differently in different Soviet republics. At the same time, in relation to the Soviet period, the simple pattern according to which the farther away from the capital, the slower time flows cannot be applied in every single case. For example, the 1930s were the period of active construction of large enterprises, which became the flagships of industrialization. The majority of them were built in the Urals: Magnitogorsk Iron and Steel Works, Chelyabinsk Tractor Plant, Ural Heavy Engineering Plant, etc. It is important to point out that not only were these new enterprises intended for industrial manufacture, but they were also to shape the new Soviet man. Despite their remote location, the Ural factories and cities gradually became even more Soviet than the cities of European Russia that were geographically closer to the political center of the country.

A similar situation could be observed if we turn our attention to the construction sites in Siberia, which began to be positioned as places of formation of the real Soviet man. Harsh conditions of the region were meant to cleanse him from the negative phenomena of big cities and harden him. In the opinion of Mikhail Rozhanskii,

Siberia serves as a space of the "present." It becomes a metaphor for the greater history: the great construction, the revival of ideals, the conquest of nature. . . . The "habit" of big style. . . also explains the appeal to Siberia as a historical category, semantically saturated both in Soviet mythology and in Russian cultural tradition. This semantics makes it possible to combine historical scale

valued by Soviet idealism with an appeal to the hero who strives to live a real life, at the same time remaining himself. Siberia appears as an open field for a free/liberated man ready for History.⁶

A vivid example of this perception of Siberia is the 1961 Soviet film *Dima Gorin's Career* directed by Frunze Dovlatyan and Lev Mirskii. The film tells the story of a savings bank employee who expects to be promoted to branch manager but due to circumstances is forced to go to the construction of the Siberia-Ural power transmission line instead. There the protagonist finds his love and friends and decides to stay for good. Thus, a successful career and a warm place in the city are opposed to real feelings and self-realization. Similar message can be found in the films of the so-called severe style that show the lives of geologists, builders, drillers, etc. who were meant to personify the romance of labor in the 1960s. This is also applicable to Evgenii Yevtushenko's poem *Bratsk GES* about the Komsomol construction of Bratsk Hydroelectric Power Station on the Angara River, which embodies the spirit of optimism and achievement, as well as to other works of literature and art of the same period.

The examples listed above allow us to understand how the symbolic centers of the Soviet project shifted depending on the current tasks in the country. Consequently, Soviet temporality was not homogeneous. Depending on different aspects, it was either concentrated or, on the contrary, de-concentrated, creating certain ideological gaps. This brings us back to the idea of the need for a denser analysis of the Soviet chronotope. At the same time, addressing the spatial aspect of the Soviet system raises an important question about the relationship between the center and the periphery.

The postcolonial frame of Soviet history

In world historiography, the topic of the colonial and the postcolonial is most acute due to the public demand from a part of modern Western society. Researchers are forced to respond to questions about the origins and the current state of racial inequality. Therefore, the postcolonial frame, like feminist optics, unites research and activist approaches. Traditionally, the conversation about postcolonialism begins with Edward W. Said's work *Orientalism*.⁷ In it, he outlined the range of problems of colonial influence being not limited to the despoliation of subjugated territory but including much of the intellectual tradition. In this way, the Europeans construct the image of the Orient, which is then used by the inhabitants of the Orient for self-

⁶ M. Rozhanskii, "Tested by Siberia: A Real Man on the Great Construction Sites and in the Films of 1959" [in Russian], *Internet-zhurnal "Gefter"*, accessed July 10, 2023, <http://gefeter.ru/archive/24081>

⁷ E.W. Said, *Orientalism* [in Russian], trans. K. Lopatkina (Moscow: Garazh, 2021).

description. Therefore, even when the political and military influence of the metropolis ends, the intellectual dependence remains. Despite the difficulty of precisely defining postcolonial studies, they are currently an important part of critical theory that attempts to deconstruct the existing order of things.

Methodological complexity arises when attempts are made to apply the points developed within the western intellectual tradition to the analysis of Soviet history. Like the French or the British empires, the Russian Empire somehow fitted into the classical model of a modern empire, although its colonies were located not overseas but in the Caucasus, Central Asia, and Siberia. However, the Soviet Union turned out to be an ambiguous structure. There is a large body of research that applies the postcolonial concept to the USSR.⁸ This approach is especially relevant in the countries that seek to overcome the Soviet legacy, and within this framework the concept of the USSR being an empire proves to be quite convenient, especially after the events of February 24, 2022, when the Soviet past became part of the description of the contemporary Russia's political system. But a revision of this approach emerges soon enough, and a debate about a special character of the Soviet system begins. In his famous book, Terry Martin put forward the idea of the empire of positive discrimination.⁹ The author chose the Ukrainian SSR and the Soviet East as exemplary cases, although the second case was given much less attention. Ukraine proves to be a convenient case study for Terry Martin to examine the politics of *korenizatsiya* [indigenization], "resistance" to nationalization, and careful treatment of national minorities. While other authors, who studied Soviet national policy did not agree with Terry Martin on everything he stated,¹⁰ they also pointed out that the Soviet Union pursued a special course towards national regions, which distinguishes it from other colonial empires. Seeking to critically analyze the arguments for and against Soviet colonialism, Sergei Abashin notes that,

As for coloniality, I would suggest the following formula: coloniality (in the form of certain practices, institutions, or events) was certainly present in the

⁸ G. Gleason, "Independence and Decolonization in Central Asia," *Asian Perspective*, vol. 21, no. 2 (1997): 223–46; D.Ch. Moore, "Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique," *Publications of the Modern Language Association of America*, vol. 116, iss. 1 (2001): 111–28; H.F. Carey, and R. Raciborski, "Postcolonialism: A Valid Paradigm for the Former Sovietized States and Yugoslavia?" *East European Politics and Societies*, vol. 18, iss. 2 (2004): 191–235; L. Adams, "Modernity, Postcolonialism and Theoretical Form in Uzbekistan," *Slavic Review*, vol. 64, iss. 2 (2005): 333–54.

⁹ T. Martin, *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939* (Ithaca, London: Cornell University Press, 2001).

¹⁰ K. Brown, *A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004); F. Hirsch, *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union* (Ithaca, London: Cornell University Press, 2005).

Soviet, but the Soviet itself was far from being limited to coloniality only. In some periods and in some situations, the colonial character of relations may have been intensified or appeared more significant, but in Soviet times in general, such kind of relations was not the dominant factor and structural foundation to determine all state policy and the entire structure of everyday life.¹¹

Of course, by virtue of its elaboration, the postcolonial language proves to be a convenient tool in political and activist discourse. However, it still significantly limits the opportunities of academic analysis, thereby essentially creating binary explanatory models that make it difficult to capture the nuances of the past.

The Soviet subject in the struggle for normativity

The formation of the new Soviet subject was an important aspect of the Soviet system. In journalistic works within the framework of the *Homo Sovieticus* concept, the Soviet man is often described as passive and sly. At the same time, Soviet ideology always endeavored to instill in the new Soviet man an active position in life. It did not have to contradict the official Soviet doctrine or go beyond its boundaries. However, within the normative framework, a Soviet person had a chance not to wait for orders but to act on personal initiative. For example, Stakhanovites did not simply follow the planned production norms but exceeded them. In the same way, members of the all-Russian society of inventors and innovators were not content with the technologies developed in Soviet research institutes and improved various aspects of production with their own hands. At the same time, the new Soviet man had to be an active subject not only in labor activity but also in social life. Thus, the Moral Code of the Builder of Communism proclaims "conscientious labor for the good of the society – he who does not work, neither shall he eat" and "a high sense of the public duty; intolerance of actions harmful to the public interest." That is, not only was the proper Soviet subject to work well, but he was also to take an active part in maintaining the normative order. In this requirement for the builder of communism, it is easy to see a certain manifestation of the policy of discipline characteristic of modern societies.¹² In this connection, a certain part of Soviet subjects stood out in the general mass of the builders of communism to take on the function of supervision over Soviet society.

As for the main source, the article is based on the documents from the Latvian State Archives (Latvijas Valsts arhīvā). Working with its collection is important and interesting for a number of reasons: (1) the materials of the Latvian SSR allow us to

¹¹ S. Abashin, "Soviet = Colonial? (Pros and Contras)" [in Russian], in *Notions of the Soviet in Central Asia: Almanac of the Staff no. 2*, comp. G. Mamedov, and O. Shatalova (Bishkek: Shtab-Press, 2016), 9.

¹² M. Foucault, *Discipline and Punish: The Birth of the Prison* [in Russian], trans. V. Naumov (Moscow: Ad Marginem, 1999).

look at the Soviet system not from the center but from the national republic; (2) Russian researchers have hardly ever worked with the materials from this archive, many of its documents are not presented in Russian-language historiography, and any acquaintance with contemporary works by Latvian colleagues is difficult due to the language barrier; and moreover, (3) due to the difficult international situation, access to the archives of the Baltic republics for Russian researchers is likely to remain in the long term.

First of all, this article analyses documents expressing the opinions of ordinary Soviet citizens in the form of complaints filed to various State bodies and authorities. The term "letters to the authorities" has become established in historiography, a number of collections on early Soviet history have been published,¹³ and there is a number of works based on these documents.¹⁴ Of course, ego-documents such as diaries or correspondence can offer more elaborate individual perceptions of the moral economy of the Soviet system. However, the problem is that these perceptions are often rather "hermetic." Letters to the authorities, on the other hand, represent communication between different levels of Soviet discourse, which potentially includes not only the ability to "speak the Bolshevik language" but also implies the existence of different individual positions related to the Soviet way of life.

Letters to the authorities

In order to get some general idea, let us cite some quantitative data on the letters to the authorities in the Latvian SSR. For example, in 1973 the state authorities received 2,523 letters; in 1974, 2,570 letters. Most of the letters (48.7%) came from Riga. This can be explained not only by the higher population density in the republican capital

¹³ E.V. Kodin, ed., *"Verification of the Application Has Established...": Everyday Life of People in Letters and Appeals to the Authorities. 1930s* [in Russian] (Smolensk: Svitok, 2013); A.Ya. Livshin, and I.B. Orlov, comps., *Letters to the Authorities. 1917–1927. Statements, Complaints, Denunciations, Letters to State Structures and Bolshevik Leaders* [in Russian] (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1998); A.Ya. Livshin, I.B. Orlov, and O.V. Khlevnyuk, comps., *Letters to the Authorities. 1928–1939. Statements, Complaints, Denunciations, Letters to State Structures and Soviet Leaders* [in Russian] (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2002);

¹⁴ F-X. Nerard, *Five Percent of the Truth. Expose and Denunciation in Stalin's USSR (1928–1941)* [in Russian], trans. E.I. Balakhovskaya (Moscow: ROSSPEN, 2011); S. Fitzpatrick, *Tear Off the Masks: Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia* [in Russian], trans. L.Yu. Pantina (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond "Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina", 2011); A. Golfo, *Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936* (Ithaca, London: Cornell University Press, 2003); S. Fitzpatrick, "Supplicants and Citizens: Public Letter-Writing in Soviet Russia in the 1930s," *Slavic Review*, vol. 55, iss. 1 (1996): 78–105; A.I. Savin, and V. Dönninghaus, "'Letters to the Authorities' as a Modus of Religious Dissidence in the Brezhnev Era" [in Russian], *Russia XXI*, no. 6 (2017): 118–41.

but also by the higher level of education and integration into the Soviet system, which made it possible for the citizens to use the letters to the authorities as a way to solve their own problems. The main topics that worried the population of the Latvian SSR were the following: housing issues (36.7%); communal issues (10.5%); work of the enterprises (9.2%); acquisition of cars (8.4%); social security (5.6%); etc.¹⁵

It is important to note that out of almost 2,500 letters received by the state authorities, in 243 instances the requests were granted; in 374 instances, citizens' appeals were refused; explanations were given by the authorities to the authors of 800 letters.¹⁶ It turns out that only every tenth author could count on a positive solution to his question, the wording "explanations were provided" essentially meant a refusal, but with a certain justification. The main problem of Soviet institutions was a constant shortage of resources, and even when people had every reason to apply for something, there were often no material possibilities to satisfy their requests, for example, to expand or improve their living conditions. In such a case, the author of the appeal was informed that it was not possible to solve their issue in the present circumstances, but in the next five-year period expenditure would be planned to solve the problem. Officially, the Soviet authorities were supposed to conduct systematic work with citizens' appeals and complains, which was an important indicator of the activity of various structures. A formal attitude to citizens' complaints was considered unacceptable because it caused social tension in Soviet society, which could not be tolerated.

Obviously, the population was primarily concerned with issues related to their everyday life. Thus, we can say that a significant number of citizens did not have their basic needs satisfied, and therefore they could not realize more abstract problems and needs. However, there was also a simultaneous rise in the level of consumption. It is well illustrated by the number of enquiries on the problem of the availability of private motor vehicles. "The Long Seventies" in the USSR were marked by the formation of the Soviet version of the consumer society, where the three main elements of success were a flat, a car, and a dacha. At the same time, possession of a private car enhanced the mobility of Soviet citizens and opened up access to a number of other benefits. Therefore, what in the 1950s and 1960s could still seem to be a luxury item, in the 1970s began to be perceived as a norm of Soviet life. A similar situation arose with regard to the housing issue. Soviet officials already noted that whereas previously people had asked in their appeals for any kind of

¹⁵ "Perepiska s Verkhovnym Sovetom LSSR i Sovetom Ministrov LSSR po orgmassovoi rabote i vyboram i drugim voprosam" [Correspondence with the Supreme Soviet of the LSSR and the Council of Ministers of the LSSR on organizational work and elections and other issues], F. 1403, op. 1, d. 338, l. 27. Latvijas Valsts arhīvs [Latvian State Archives] (LVA), Riga, Latvia.

¹⁶ Ibid, l. 28.

housing, later they began to request the resettlement of communal apartments and the provision of separate housing with all modern facilities.¹⁷

However, it would still be incorrect to say that Soviet citizens were worried only about mercantile issues. In addition to the formation of a demand for material well-being, environmental consciousness began to actively develop in the late USSR. Whereas in the pre-war period the smoke from the chimneys of Soviet enterprises signified progress and success of socialist construction, in the late 1950s and later, environmental issues were raised by both the population and the state.¹⁸ For example, as a result of the letter written by V.J. Ieviņš', work was carried out to eliminate pollution of the Sarkandaugava water body and forest areas of the Inčukalns timber industry enterprise by the Riga Oil Refinery. In addition, there were other complaints about air pollution and lake and river water pollution by enterprises, as well as about noise generated by enterprises and vehicles. While some time earlier people were ready to live in a communal flat with a view on the factory pipes, now their demands were associated with separate housing and clean air. To a large extent, this fact explains the mass construction of dormitory areas in the late Soviet times, which were considerably distant from large industrial enterprises.

Despite the fact that the majority of letters were in fact attempts to solve personal problems, archives also preserve materials about the desire to restore justice. Such were both individual and collective. For example, in 1974, the LSSR leadership received a letter from a group of employees from Ventspils, in which they accused a number of managers of the city's enterprises of inappropriate behavior. The employees wrote that the managers "abused their official position, got drunk, and led a dissolute lifestyle." Further, they even listed the actual cases of cognac abuse, unfair distribution of flats and promiscuous sexual affairs.¹⁹ The inspection found out that the distribution of flats took place according to the waiting list and the persons mentioned in the letter had no opportunity to influence that process. Cases of rudeness with subordinates were however confirmed, which was pointed out as an unacceptable practice. But in general, the letter was considered unreliable. In the same archive source, there is a letter to the First Secretary of the Central Committee

¹⁷ "Perepiska s verkhovnym sovetom LSSR i Sovetom Ministrov LSSR po orgmassovoi rabote i vyboram i drugim voprosam" [Correspondence with the Supreme Soviet of the LSSR and the Council of Ministers of the LSSR on organizational work and elections and other issues], F. 1403, op. 1, d. 338, l. 30. LVA.

¹⁸ T.N. Rakov, and A.A. Fokin, "'Everybody Is Thinking about Nature Today': The Search for Agency in Late Soviet Environmental Posters" [in Russian], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 2 (75) (2022): 106–14.

¹⁹ "Pis'ma, zayavleniya i zhaloby trudyashchikhsya, soderzhashchie sekretnye sveden'ya i materialy provodimykh proverok za 1974 god" [Letters, statements and complaints of workers containing classified information and materials of ongoing inspections for 1974]. F. 101, op. 38, d. 92, l. 106. LVA.

of the Communist Party of Latvia Augusts Voss, signed "hard workers who were insulted, deceived, and victimized for nothing." The complaint stated that the police management had established its own rules in the dacha co-operative of the Ministry of Internal Affairs "Druzhba," which was detrimental to other members of the co-operative. As a result of the inspection, the guilt of the former Minister of Internal Affairs V.A. Sei and his assistants was established, "many of the comrades mentioned in the letter received strict administrative penalties at the board of the Ministry of Internal Affairs, and some were dismissed from their positions in the state bodies under the Ministry of Internal Affairs."²⁰ Thus, it can be seen that an appeal to higher authorities could have had different consequences, and the leadership of the republic endeavored to understand the details of each situation. Both letters reflect a problem characteristic of the entire Soviet Union, namely, conflicts with the local leadership. The Soviet system allowed for criticism of certain local shortcomings as long as the order itself was not questioned. For example, at the village-level elections, voters could reject a candidate, usually a representative of the local party officials, and that was considered a problem of the local Party apparatus, which was not rigorous enough in its search for a potential deputy. Such a case could also happen at the city level, but with a lower probability. During elections to the republican or all-union Supreme Soviet, a candidate could hardly ever be rejected. On the contrary, candidates received more than 99% of the votes in these elections. Therefore, in different parts of the Soviet Union, citizens who faced negative management practices, sought support in the higher echelons of power. For example, a similar letter to the authorities was found not in Riga but in Yerevan,

We are waiting for you to identify the pests feeding on the village. They no longer have the right to live. The knife went up to the bone. If the law does not react to the truth, we'll do everything ourselves. We will seize power in the village, take it into our own hands, and show our dear party its dishonorable sons. If the representative of the district authorities, like the idlers of the district, continues to defend the interests of the robbers, we will personally go to Khrushchev and point out that the one who came from above is a bribe-taker, that he did not stand up for us.²¹

²⁰ "Pis'ma, zayavleniya i zhaloby trudyashchikhsya, sodержashchie sekretnye sveden'ya i materialy provodimykh proverok za 1974 god" [Letters, statements and complaints of workers containing classified information and materials of ongoing inspections for 1974]. F. 101, op. 38, d. 92, l. 87. LVA.

²¹ "Proverka pisem v gazetnu 'Pravda'" [Verification of letters to the *Pravda* newspaper]. F. 1, op. 41, d. 131, l. 43. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv dokumentov obshchestvenno-politicheskikh organizatsii Respubliki Armeniya [Central State Archive of Documents of Social-Political Organizations of the Republic of Armenia], Yerevan, Armenia.

Clearly, the vocabulary in the above example, which dates back to an earlier period, is quite expressive, and the authors are giving an ultimatum rather than asking for any protection, unlike the members of the Druzhba cooperative, who chose the tactic of self-criticism, trying on the masks of the "humiliated and insulted." But the general idea of communication between the grass roots and the authorities needed in order to control the middle management is an obvious common theme in many letters to the authorities.

One of the letters contained information that a certain A. Vasil'ev used his official vehicle to travel to his parents who lived 60 kilometers away from his place. The author of the letter estimated that this amounted to 120 kilometers per week and 5–6 thousand kilometers per year. The letter stated that these trips could be also made by bus with a certain fare to be paid, but the secretary of the district party committee used free petrol and an official car. Upon inspection, it turned out that such trips were indeed made, nonetheless no misuse of the official car was found.²² This case demonstrates that a number of writers of letters to the authorities sought to establish stricter norms of behavior, apparently using the known facts in a personal conflict. However, the higher authorities who probably also used official cars for personal purposes perceived such practice as a variant of the norm.

Technology as morality guardian

An interesting feature of such complaints in the late-Soviet era is the inclusion of various technical means in the struggle for morality. The growth in the wealth of Soviet citizens, as described earlier, led to a massive spread of personal gadgets, including personal photo cameras. Previously one could only take the word of the writers, but later some of them began to attach photographs to their letters. Such evidence was supposed to serve as unquestionable proof. For instance, M. Ravis addressed the authorities with information about the unworthy behavior of M. Grigalis, Head of the Agriculture Department of the District Executive Committee. His misdemeanor involved the fact that during the dinner organized after the moving house and transportation of belongings, he abused alcoholic drinks,

During the dinner, comrade Grigalis deviated from the accepted norms of behavior of a leader, namely, in the presence of his subordinates he was sitting in an indecent pose at times.²³

²² "Pis'ma, zayavleniya i zhaloby, soderzhashchie sekretnye svedeniya i materialy provodimykh proverok" [Letters, statements and complaints containing classified information and materials of ongoing inspections]. F. 101, op. 35, d. 97, ll. 48–49. LVA.

²³ "Dokumental'nye materialy po voprosam ideologicheskoi raboty, nauki, kul'tury" [Documentary materials on the issues of ideological work, science, culture]. F. 101, op. 37, d. 87, l. 38. LVA.

A photograph of a man in shirt and trousers lying on a carpet near a set table was attached to the appeal. In the writer's opinion, a person endowed with authority by the Soviet system should follow certain unwritten rules of behavior even in a private setting during a friendly dinner. At the same time, the picture was taken by a person in the same company. Therefore, we can conclude that even among friends it was impossible to hide from the all-seeing eye of the fighters for justice and Soviet morality. A more savory variant can be found in the complaint against militia officer R. Pekše, a member of the CPSU.²⁴ He was accused of leaving his wife and two children and moving in with another woman, a nurse, who had a husband of her own. In addition to this, he dated other women and organized orgies with them, and they did striptease for him. According to the author of the letter, he got away with such behavior because he had friendly ties with the leadership of the party organization in the district. In addition to the curious accusation of organizing striptease in the Latvian province, this letter is notable for the nude figure of R. Pekše cut out of a photograph. Most likely, the photograph itself was taken during a visit to the bathhouse, as indecent behavior in the bathhouse is also mentioned in the complaint. Apparently, the photos were intended for a close circle of people but became a piece of evidence used by the prosecution. After the case was examined by the Central Committee of the Latvian Communist Party, it turned out that all the accusations against the militia officer distorted the real facts, and the accused was simply given an educational talk without any reprimands. In this situation, it is the fact of creating a collage text that is important, as the written complaint was reinforced by a visual representation of indecent behavior through nudity.

Such supervision over public morality was impossible without certain normative guidelines, and therefore the categories of justice and morality were an important element of Soviet ideology. It should be noted that these categories were always flexible and not rigidly fixed anywhere, unlike, for example, the norms of law. Thus, Deborah Field notes that in the period of late Stalinism, the category of morality was closely linked to social progress in the USSR.²⁵ Of course, the binary opposition moral/immoral had existed in the official Soviet language before that, and accusations of immoral behavior had been actively used in the party purges since the 1920s. Oleg Kharkhordin argued that in the late-Soviet period, moral norms began to be actively extended to the entire Soviet population, not just the party nomenklatura. This was largely due to the ideas of expanded state governance during the transition from socialism to communism and the involvement of the broad masses in this

²⁴ "Pis'ma, zayavleniya i zhaloby, soderzhashchie sekretnye svedeniya i materialy provodimykh proverok" [Letters, statements and complaints containing classified information and materials of ongoing inspections]. F. 101, op. 35, d. 97, ll. 207–08. LVA.

²⁵ D.A. Field, *Private Life and Communist Morality in Khrushchev's Russia* (New York: Peter Lang, 2010).

process. The late Soviet period was marked by the replacement of organized mass violence by various forms of soft control and by building a system of social control.²⁶ Thus, the analysis of complaints filed in late Soviet period can be placed within two methodological frameworks that allow for a new rethinking of the existing view of late Soviet society. Soviet complaints can be viewed within the framework of the moral economy concept, which was formulated by Edward P. Thompson on the basis of his study of people's unrest in England in the 18th century.²⁷ According to him, rebellious peasants revolted not only because of rising food prices and hunger but also because of the violation of traditional social norms. As soon as the peasants saw the former state of affairs to be achieved, they ceased their activity. Thus, they were not rational economic actors and could be guided primarily by moral attitudes rather than by their own profit opportunities. A significant number of appeals and complaints of citizens, even if we do not consider mass protests that were not rare in the USSR, can be regarded as a manifestation of moral economy. That is, citizens did not seek to change the existing rules of the game but tried to bring the reality around them in line with the ideas of morality and justice that were prevalent in various groups of Soviet society. Didier Fassin suggests looking at the official institutions of the state as producers of the authoritative discourse of moral economy.²⁸ Moreover, these were not abstract ideas but practices that, through the imposition of specific sanctions, made it possible to delineate the boundaries of the permissible. An important clarification for the use of the framework of the moral economy in relation to the Soviet period is the hybrid character of the Soviet subject. Whereas the English peasant was a product of pre-modern society and his ideas of morality were shaped primarily by the established tradition, any citizen of the USSR lived in a modern society already. But the Soviet subject turned out to be a hybrid entity, for he combined both modern elements, such as the ability to write complaints and express himself in a Bolshevik way, and traditional moral norms. While the post-revolutionary period saw experiments with the formation of new morality, Stalin's "right turn" brought back many pre-revolutionary elements and established them in Soviet society of that time.

Another theoretical framework for conceptualizing the complaints of Soviet time can be the idea of Soviet civil society. It should be noted that the very tradition of comprehending civil society dates back to the times of Aristotle and therefore in

²⁶ O.V. Kharkhordin, *To Expose and To Play the Hypocrite: A Genealogy of the Russian Personality* [in Russian] (St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge; Moscow: Letnii sad, 2002).

²⁷ E.P. Thompson, "The Moral Economy of the English Crowd in the 18th Century," *Past & Present*, vol. 50, iss. 1 (1971): 76–136.

²⁸ D. Fassin et al., *At the Heart of the State: The Moral World of Institutions* (London: Pluto Press, 2015).

modern times there is a whole range of definitions of civil society (there are, for example, the definitions by E. Gellner, P. Schmitter, L. Diamond, L. Roniger, K. Gadzhiev, V. Dzodziev, etc.). Since most authors who sought to comprehend the category of civil society worked within the framework of Western society, the main emphasis was placed on the principles of liberal democracy and the opposition between civil society and the authorities. Relying on the ideas of Charles Montesquieu, it was concluded that civil society is the self-organization of citizens that strives to protect their rights from the arbitrary power. A number of historians have tried to apply the idea of civil society to domestic history as well. Among them were Boris Mironov, Larisa Zakharova, Igor Poberezhnikov, Natalia Proskuryakova, Elena Kazakova-Apkarimova, etc. However, they did it primarily using the material of the Russian Empire of the late 19th – early 20th century. The main institutions of civil society were local self-government, independent media, independent courts, and public organizations. Naturally, in relation to the Soviet Union it is difficult to speak about independent institutions, so the existence of civil society in the USSR caused great doubts among researchers. Perhaps, the only significant attempt to comprehend civil society in the USSR was Alexander Shubin's article,²⁹ in which he wrote about the presence of developed elements of self-organization in the Soviet system and the existence of a large number of associations, which, although controlled by the regime, had quite broad powers. The materials presented in this article allow us to look at the history of Soviet civil society from below. Soviet citizens were not seen as subalterns in the classical sense because there was no question of whether they could speak out. They knew exactly that they could and would speak out. The whole bunch of letters and other appeals clearly illustrate the existence of broad grassroots activism. The desire of Soviet people to solve their everyday problems in various ways and to fix certain "breakdowns" of the system allows us to speak of a special version of civil society in the USSR.

The immorality of commerce

Trade (or commerce) has always been a source of conflict in the Soviet system, as the ability to distribute material goods became an important option under the conditions of commodity scarcity. It is no coincidence that such professions and positions as salesman, waiter, shop manager or warehouse manager were very prestigious in the late USSR. As an example, we can cite the film *The Blonde around the Corner* (1984), in which Nadezhda (the heroine of Tatyana Dogileva), works in an ordinary shop but leads a rather beautiful life if evaluated according to Soviet standards. It is worth noting that trade workers have always been suspected of

²⁹ A.V. Shubin, "Civil Society in the USSR" [in Russian], in *Main Stages of Civil Society Formation in the Countries of Western Europe and Russia in the 19th – 20th Century*, ed. S.P. Pozharskaya (Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, 2007), 237–57.

criminal activity and violations of Soviet morality. High-profile criminal cases, especially in the early 1980s, contributed to this fact as well. For example, the Goldenberg couple who ran the Vezha bar and two shops were arrested in Lvov in 1980. The investigation uncovered large-scale embezzlement, for which Sonia Goldenberg was sentenced to 14 years in prison and Haim Goldenberg was sentenced to capital punishment.³⁰ This is also the case of the famous Eliseevskii affair, when Yuri Sokolov and a number of other Moscow trade executives were arrested.

Therefore, it is not accidental that a large group of letters was devoted to the moral issues of trade workers. For example, a group of communists in the Trade Department of the Jurmala District Executive Committee of the Latvian SSR addressed Leonid Brezhnev directly. They began their letter with an important symbolic formula,

The way of life and activity of Lenin, from the way of life and activity of our Communist leaders, from our all-day propaganda and agitation, criticism and self-criticism reveal the face that a Soviet leader, an economic manager should have.³¹

This is a good example of the use of authoritative discourse to legitimize further appeal to the authorities. The description of the behavior of a local superior fits into the global context of Soviet normativity, where the main authority was Vladimir Lenin himself, whose moral character was beyond any doubt. That is, any Soviet leader must behave like Lenin, not the real Lenin, but his idealized and canonized version.

The main content of the letter was related to the activities of R.Ya. Vuškans, Head of the Trade Department of the Jurmala District Executive Committee of the Latvian SSR. He was accused of various aspects, starting from the fact that he had rotted carrots and oranges worth tens of thousands of roubles and ending with improper selection of personnel. There are some interesting details in the letter as well.

In order to get a new car from the city of Gorky, personal chauffeur comrade Gotovkin was sent there and transported a new white Volga car. R.Ya. Vuškans did not like the color of the car. On the second day head of the garage comrade

³⁰ E. Andryushchenko, "Did not Add Enough Syrup and Was Executed by Shooting. The Story of a Couple from Soviet Lvov Who Were Arrested for Embezzlement and Bribery" [in Russian], HistoryPorn, April 18, 2021, accessed July 7, 2023, https://vk.com/@history_porn-ne-dolival-sirop-i-by-l-rasstrelyan-istoriya-suprugov-iz-sove

³¹ "Pis'ma, zayavleniya i zhaloby, sodержashchie sekretnye svedeniya i materialy provodimykh proverok" [Letters, statements and complaints containing classified information and materials of ongoing inspections]. F. 101, op. 35, d. 97, l. 70. LVA.

Dvoyakin was sent to the city of Gorky with the task of getting a black car in the export version.³²

Since a black Volga was a sign of the highest position in the Soviet hierarchy, it was important to get not just a car, but a car with a symbolic status. And the export version had to emphasize the status of the owner even more. It should be understood that it was extremely difficult to get any car in the USSR, even a company car, because there were enormous waiting lists, and the exchanging one car for another in the shortest possible time was possible only by using connections or corruption schemes. However, while R.Ya. Vuškans was not only a trade manager who had access to rare goods but also worked in a resort town, he could exchange access to the Baltic resorts for the things he needed.

As a result of the inspection, a significant part of the facts was confirmed, although the commission noted that comrade Vuškans had done quite a lot to expand the catering and trade network in Jurmala. Here we should add that the lack of catering enterprises was a headache for the resort towns in the Baltic and the Black Sea regions. This problem deepened in the 1970s due to the increased number of individual tourists who were not attached to any sanatoriums with centrally organized catering. But the report on the investigation of the appeal noted that "there were serious shortcomings in his style of work – arrogance, uncritical attitude to the results of economic activity."³³ Such terms as flatterer, toady, specialist in false optimism and deceit³⁴ were an important part of the socio-political language of the Soviet era but have practically disappeared from the present-day usage. It is indicative that in the *Krokodil*, the main satirical magazine of the USSR, the theme of a bureaucratic boss who had broken away from the collective was one of the most popular ones. This shows both the prevalence of such practices and the desire to eradicate them within the Soviet model of governance. Therefore, within the framework of Soviet moral economy, arrogance was a significant misdemeanor because it questioned the genuinely democratic nature of the Soviet rule.

³² "Pis'ma, zayavleniya i zhaloby, sodержashchie sekretnye svedeniya i materialy provodimykh proverok" [Letters, statements and complaints containing classified information and materials of ongoing inspections]. F. 101, op. 35, d. 97, l. 71. LVA.

³³ Ibid., l. 78. LVA.

³⁴ Thus, in Nikita Khrushchev's speech to the 20th Congress of the CPSU, there is such a fragment: "Comrades! The cult of the individual caused the employment of faulty principles in Party work and in economic activity. It brought about rude violation of internal Party and Soviet democracy, sterile administration, deviations of all sorts, cover-ups of shortcomings, and varnishings of reality. Our nation bore forth many flatterers and specialists in false optimism and deceit." (Cited in N. Brusilovskii, "Nikita Khrushchev. On the Cult of Personality and Its Consequences" [in Russian], *Istoriik*, n0. 14 (2016), accessed July 10, 2023, <https://историк.рф/journal/post/6120>).

Conclusion

Of course, within the framework of one work it is impossible to describe in detail all the materials that have been deposited in the archives. That is why the fragments cited in this article are intended to demonstrate the main trends in the struggle of Soviet people for moral norms. At the same time, it should be noted that quite often such a struggle was not selfless but, on the contrary, pursued quite mercantile goals related to settling personal conflicts or trying to obtain scarce personal resources. But even within the framework of mercantilism, the language in which the discourse of moral economy came to the forefront was used in the communication between the authors of the letters and the institutions of power.

Analyzing the materials of the Latvian State Archives, one can see the duality of the situation that developed in the republic in the 1970s–80s. On the one hand, the subject matter and even the socio-political language of most of the appeals fit into the general trends characteristic of the late USSR. Of course, some of the letters are written in Latvian, but even in them one can easily discern Soviet rhetorical figures that could be used in the Urals and in Central Asia during that period. On the other hand, a certain regional specificity breaks through the dense mass of Soviet homogeneity. The formation of the Soviet version of the consumer society during "the Long Seventies" was not uniform in the whole territory of USSR, and therefore there were areas where the level of consumption was higher than in the others. In letters from Latvia one can see much more complaints related to the developed level of consumption, which was uncharacteristic of most of the central areas of the RSFSR. It is obvious that within the "Soviet empire" the residents of the Latvian SSR, regardless of their nationality, did not feel themselves as second-class people compared to the residents of the RSFSR, since in a number of aspects the balance between the center and the periphery was shifting in favor of the Union republics.

Archival materials show that writing to the authorities was perceived by the population as an effective mechanism of interaction with the state bodies and as an opportunity to solve pressing problems. A significant part of the population actively participated in the ideological campaign of the struggle for Soviet normativity, and their ideas of morality were often stricter than those of the authoritative discourse. The analysis of letters to the authorities shows that there were many groups and points of view in Soviet society, so instead of like-mindedness, one should rather speak of different opinions. All this allows us to state the existence of special versions of civil society institutions that sought to support the existing norms of the moral economy during the late socialism period. Thus, in the analysis of the Soviet system, the binary opposition of Soviet vs. anti-Soviet is a significant simplification, which cannot fully describe the interaction between the authorities and the population. This is especially relevant to the late Soviet period, when there was a need to search for new mechanisms of social mobilization. In our opinion, it is

necessary to study the voices "from below" more closely, for this will reveal multiple points of view on the Soviet system and the specificity of the Soviet chronotope.

Список литературы

Абашин С. Советское = колониальное? (За и против) // Понятия о советском в Центральной Азии: Альманах Штаба № 2 / составители Г. Мамедов, О. Шаталова. Бишкек: Штаб-Press, 2016. С. 28–49.

Андрющенко Э. Не доливал сироп и был расстрелян. История супругов из советского Львова, которых арестовали за хищения и взятки // HistoryPorn. 2021 (18 апреля). URL: https://vk.com/@history_porn-ne-dolival-sirop-i-byt-rasstrelyan-istoriya-suprugov-iz-sove (дата обращения: 07.07.2023).

Бахтин М.М. Эпос и роман. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. 304 с.

Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: в 3 ч. Ч. 1: Роль среды / перевод с французского М.А. Юсима. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / перевод с английского Н. Тюкиной. Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 248 с.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. Москва: Искусство, 1984. 350 с.

Нерар Ф.-К. Пять процентов правды. Разоблачение и доноительство в сталинском СССР (1928–1941) / перевод с французского Е.И. Балаховской. Москва: РОССПЭН, 2011. 398 с.

Попов И. Живой Ленин // Воспоминания о В.И. Ленине: в 3 т. Т. 3 / под редакцией А.П. Жуковой, Д.С. Кислик. Москва: Госполитиздат, 1961. С. 115–143.

«Проверкой заявления установлено...»: повседневная жизнь людей в письмах и обращениях к власти. 1930-е годы / под редакцией Е.В. Кодина. Смоленск: Свиток, 2013. 392 с.

Раков Т.Н., Фокин А.А. «Все сегодня о природе думают»: поиски агентности в позднесоветском экологическом плакате // Уральский исторический вестник. 2022. № 2 (75). С. 106–114.

Рожанский М. Испытание Сибирью: настоящий человек на великих стройках и в фильмах 1959 года // Интернет-журнал «Гефтер». URL: <http://gefter.ru/archive/24081> (дата обращения: 10.07.2023).

Савин А.И., Деннингхаус В. «Письма во власть» как модус религиозного диссидентства в брежневскую эпоху // Россия XXI. 2017. № 6. С. 118–141.

Саид Э.В. Ориентализм / перевод с английского К. Лопаткиной. Москва: Гараж, 2021. 560 с.

Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века / перевод с английского Л.Ю. Пантиной. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 375 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / перевод с французского В. Наумова. Москва: Ad Marginem, 1999. 480 с.

Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; Москва: Летний сад, 2002. 511 с.

Шубин А.В. Гражданское общество в СССР // Основные этапы формирования гражданского общества в странах Западной Европы и России в XIX–XX вв. / под редакцией С.П. Пожарской. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2007. С. 237–257.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

Adams L. Modernity, Postcolonialism and Theoretical Form in Uzbekistan // *Slavic Review*. 2005. Vol. 64, iss. 2. P. 333–354.

Brown K. *A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. 322 p.

Carey H.F., Raciborski R. Postcolonialism: A Valid Paradigm for the Former Sovietized States and Yugoslavia? // *East European Politics and Societies*. 2004. Vol. 18, iss. 2. P. 191–235.

Fassin D. et al. *At the Heart of the State: The Moral World of Institutions*. London: Pluto Press, 2015. 304 p.

Field D.A. *Private Life and Communist Morality in Khrushchev's Russia*. New York: Peter Lang, 2010. 147 p.

Fitzpatrick S. Supplicants and Citizens: Public Letter-Writing in Soviet Russia in the 1930s // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55, iss. 1. P. 78–105.

Gleason G. Independence and Decolonization in Central Asia // *Asian Perspective*. 1997. Vol. 21, № 2. P. 223–246.

Golfo A. *Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936*. Ithaca, London: Cornell University Press, 2003. 256 p.

Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, London: Cornell University Press, 2005. 367 p.

Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, London: Cornell University Press, 2001. 496 p.

Moore D.Ch. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique // *Publications of the Modern Language Association of America*. 2001. Vol. 116, iss. 1. P. 111–128.

Thompson E.P. *The Moral Economy of the English Crowd in the 18th Century* // *Past & Present*. 1971. Vol. 50, iss. 1. P. 76–136.

References

Abashin, S. "Sovetskoe = kolonial'noe? (Za i protiv)" [Soviet = Colonial? (Pros and Contras)]. In *Ponyatiya o sovetskom v Tsentral'noi Azii: Al'manakh Shtaba № 2* [Notions of the Soviet in Central Asia: Almanac of the Staff no. 2], compiled by G. Mamedov, and O. Shatalova, 28–49. Bishkek: Shtab-Press, 2016. (In Russian)

Adams, L. "Modernity, Postcolonialism and Theoretical Form in Uzbekistan." *Slavic Review*, vol. 64, iss. 2 (2005): 333–54.

Andryushchenko, E. "Ne dolival sirop i byl rasstrelyan. Istoriya suprugov iz sovetskogo L'vova, kotorykh arestvovali za khishcheniya i vzyatki." [Did not add enough syrup and was executed by shooting. The story of a couple from Soviet Lviv who were arrested for embezzlement and bribery]. *HistoryPorn*, April 18, 2021. Accessed July 7, 2023. https://vk.com/@history_porn-ne-dolival-sirop-i-by-l-rasstrelyan-istoriya-suprugov-iz-sove (In Russian)

Bakhtin, M.M. *Epos i roman* [Epic and novel]. St Petersburg: Azbuka, 2000. (In Russian)

Braudel, F. *Sredizemnoe more i sredizemnomorskii mir v epokhu Filippa II* [The Mediterranean and the Mediterranean world in the age of Philip II]. 3 pts. Pt. 1, Rol' sredi [The role of the environment]. Translated from French by M.A. Yusim. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002. (In Russian)

Brown, K. *A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.

Carey, H.F., and R. Raciborski. "Postcolonialism: A Valid Paradigm for the Former Sovietized States and Yugoslavia?" *East European Politics and Societies*, vol. 18, iss. 2 (2004): 191–235.

Fassin, D. et al. *At the Heart of the State: The Moral World of Institutions*. London: Pluto Press, 2015.

Field, D.A. *Private Life and Communist Morality in Khrushchev's Russia*. New York: Peter Lang, 2010.

Fitspatrik, S. *Sryvaite maski!: Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka* [Tear off the masks: Identity and imposture in twentieth-century Russia], translated from English L.Yu. Pantina. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond "Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina", 2011. (In Russian)

Fitzpatrick, S. "Suplicants and Citizens: Public Letter-Writing in Soviet Russia in the 1930s." *Slavic Review*, vol. 55, iss. 1 (1996): 78–105.

Foucault, M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and punish: the birth of the prison], translated from French by V. Naumov. Moscow: Ad Marginem, 1999. (In Russian)

Gleason, G. "Independence and Decolonization in Central Asia." *Asian Perspective*, vol. 21, no. 2 (1997): 223–46.

Golfo, A. *Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936*. Ithaca, London: Cornell University Press, 2003.

Gurevich, A.Ya. *Kategorii srednevekovoi kul'tury* [The categories of Medieval culture]. Moscow: Iskusstvo, 1984. (In Russian)

Hirsch, F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, London: Cornell University Press, 2005.

Kharkhordin, O.V. *Oblichat' i litsemerit': genealogiya rossiiskoi lichnosti* [To expose and to play the hypocrite: A genealogy of the Russian personality]. St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge; Moscow: Letnii sad, 2002. (In Russian)

Kodin, E.V., ed. "Proverkoii zayavleniya ustanovleno...": *povsednevnyaya zhizn' lyudei v pis'makh i obrashcheniyakh k vlasti. 1930-e gody* ["Verification of the application has established...": Everyday life of people in letters and appeals to the authorities. 1930s]. Smolensk: Svitok, 2013. (In Russian)

Martin, T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, London: Cornell University Press, 2001.

Moore, D.Ch. "Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique." *Publications of the Modern Language Association of America*, vol. 116, iss. 1 (2001): 111–28.

Nerard, F-X. *Pyat' protsentov pravdy. Razoblachenie i donositel'stvo v stalinskom SSSR (1928–1941)* [Five percent of the truth. Expose and denunciation in Stalins' USSR]. Translated from French by E.I. Balakhovskaya. Moscow: ROSSPEN, 2011. (In Russian)

Popov, I. "Zhivoi Lenin" [The living Lenin]. In *Vospominaniya o V.I. Lenine* [Memories of V.I. Lenin], 3 vols., vol. 3, edited by A.P. Zhukova, and D.S. Kislik, 115–43. Moscow: Gospolitizdat, 1961. (In Russian)

Rakov, T.N., and A.A. Fokin. "Vse segodnya o prirode dumayut": poiski agentnosti v pozdnesovetskom ekologicheskom plakate ["Everybody is thinking about nature today": The search for agency in late Soviet environmental posters]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 2 (75) (2022): 106–14. (In Russian)

Rozhanskii, M. "Ispytanie Sibir'yu: nastoyashchii chelovek na velikikh stroikakh i v fil'makh 1959 goda" [Tested by Siberia: a real man on the great construction sites and in the films of 1959]. *Internet-zhurnal "Gefter"*. Accessed July 10, 2023. <http://gefter.ru/archive/24081> (In Russian)

Said, E.W. *Orientalizm* [Orientalism], translated from English by K. Lopatkina. Moscow: Garazh, 2021. (In Russian)

Savin, A.I., and V. Dönninghaus. "Pis'ma vo vlast'" kak modus religioznogo dissidentstva v brezhnevskuyu epokhu ['Letters to the authorities' as a modus of religious dissidence in the Brezhnev era]. *Rossiia XXI*, no. 6 (2017): 118–41. (In Russian)

Shubin, A.V. "Grazhdanskoe obshchestvo v SSSR" [Civil Society in the USSR]. In *Osnovnye etapy formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v stranakh Zapadnoi Evropy i Rossii v XIX–XX vv.* [Main stages of civil society formation in the countries of Western Europe and Russia in the 19th – 20th century], edited by S.P. Pozharskaya, 237–57. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, 2007. (In Russian)

Thompson, E.P. "The Moral Economy of the English Crowd in the 18th Century." *Past & Present*, vol. 50, iss. 1 (1971): 76–136.

Wallerstein, I. *Mirosistemnyi analiz: Vvedenie* [World-systems analysis: An introduction], translated by N. Tyukina. Moscow: Izdatel'skii dom "Territoriya budushchego", 2006. (In Russian)

Yurchak, A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos': Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything was forever, until it was no more: The last soviet generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. (In Russian)

Информация об авторе

Александр Александрович Фокин – кандидат исторических наук, доцент, доцент Института социальных наук; старший научный сотрудник Центра исследований модернизации, <https://orcid.org/0000-0001-6637-9314>, aafokin@yandex.ru, Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет) (д. 8, ул. Трубецкая, 119048 Москва, Россия); Московская высшая школа социальных и экономических наук (д. 3–5, пер. Газетный, 125009 Москва, Россия).

Information about the author

Aleksander A. Fokin – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Institute of Social Sciences; Senior Researcher at the Center for Modernization Studies, <https://orcid.org/0000-0001-6637-9314>, aafokin@yandex.ru, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (Sechenov University) (8, ul. Trubetskaya, 119048 Moscow, Russia); Moscow Higher School of Social and Economic Sciences (3–5, per. Gazetnyi, 125009, Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 08.10.2023; одобрена после рецензирования 11.12.2023; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted 08.10.2023; approved after reviewing 11.12.2023; accepted for publication 05.02.2024.